

ДИСКУССИИ О ПОЭЗИИ

УДК 821.161.82-155

«...О ПОЭЗИИ, КОТОРАЯ НЕ ЕСТЬ ЛИТЕРАТУРА»
ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО ДИАЛОГА
Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ С Л. Я. ГИНЗБУРГ

Рубинчик Ольга Ефимовна,

*кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский
государственный университет технологии и дизайна
(Россия, Санкт-Петербург);
E-mail: rubinchik_olga@mail.ru*

В центре внимания в этой статье – переписка Надежды Яковлевны Мандельштам с Лидией Яковлевной Гинзбург, относящаяся к 1959–1968 гг. Н. Я. Мандельштам – вдова поэта О. Э. Мандельштама, мемуаристка, эссеистка. Л. Я. Гинзбург – исследователь литературы, прозаик, эссеистка, мемуаристка. Письма Л. Я. Гинзбург вводятся в научный оборот впервые. Статья посвящена одному из нескольких смысловых пластов заочного разговора: спору о сути поэзии и об исследовательских подходах к ней двух великих женщин, обладавших мужским интеллектом, литературным даром и незаурядным опытом.

Ключевые слова: *Н. Я. Мандельштам; Л. Я. Гинзбург; переписка; О. Э. Мандельштам; альманах «Тарусские страницы».*

Переписка вдовы поэта, мемуаристки и эссеистки Надежды Яковлевны Мандельштам (1899–1980) с исследователем литературы, прозаиком, эссеисткой, мемуаристкой Лидией Яковлевной Гинзбург (1902–

1990) отчасти опубликована. Точнее, опубликованы письма Мандельштам¹ [27], а письма Гинзбург вводятся в научный оборот впервые².

Эпистолярный относится к 1959–1968 гг. Формат статьи не предполагает обнародования его целиком³. Статья посвящена одному из нескольких основных смысловых пластов переписки: разговору и принципиальному спору о сути поэзии и о подходах к ней двух великих женщин, известных мужской мощью ума, обладавших литературным даром и незаурядным опытом.

В том или ином аспекте о литературе говорится почти во всех письмах Мандельштам и Гинзбург. Но, естественно, далеко не все они раскрывают названную тему. Первое в этом ряду – письмо Лидии Яковлевны о присланном ей Надеждой Яковлевной альманахе «Тарусские страницы» [34]. Альманах стал настоящим литературным событием 1961 г.

Таруса – старинный городок в Калужской области, на реке Оке. Во вступительном слове сборника об этом городке говорится:

«Пять лет назад К. Паустовский писал: „У Тарусы есть своя слава... Пожалуй, нигде поблизости от Москвы не было мест, таких типично и трогательно русских по своему пейзажу. В течение многих лет Таруса была как бы заповедником этого удивительного по своей лирической силе, разнообразию и мягкости ландшафта.

Недаром еще с конца XIX века Таруса стала городом художников, своего рода нашим отечественным Барбизоном. Здесь жили Поленов и тончайший художник Борисов-Мусатов, здесь живут Крымов, Ватагин и многие другие крупные наши художники. <...>

За художниками потянулись писатели и ученые, и Таруса сделалась своего рода творческой лабораторией и приютом для людей искусства и науки“.

К этому можно добавить, что, благодаря притяжению к Тарусе в течение чуть ли не столетия писателей и художников, здесь постепенно обжились ценные художественные собрания и литературные архивы.

За последние пять лет в Тарусе обосновался еще ряд людей искусства и науки.

Для многих литераторов Таруса стала своеобразным творческим уголком, местом, где им хорошо и плодотворно работается.

В сборник „Тарусские страницы“ вошли повести, рассказы, поэмы и стихотворения, написанные авторами в этом маленьком городке. Часть из них посвящена Тарусе, ее людям, ее сегодняшнему дню. Но, разумеется, рамками города и района не исчерпывается круг интересов и творческих поисков писателей и поэтов, территориально связанных с Тарусой. Отсюда и известная широта тематического охвата сборника» [34, с. 5–6].

В «Тарусских страницах» опубликованы стихи и проза М. Цветаевой, проза К. Паустовского, Б. Окуджавы, Б. Балтера, В. Максимова, Ю. Казакова, Ю. Трифонова, Г. Корниловой и других авторов, стихи Н. Заболоцкого, Б. Слуцкого, Н. Коржавина, Д. Самойлова, В. Корнилова, Е. Винокурова, Н. Панченко, А. Штейнберга, А. Достала, П. Семынина. Также в альманахе напечатаны «Воспоминания, заметки, записи о В. Э. Мейерхольде» А. Гладкова, материалы о В. Поленове и В. Борисове-Мусатове – рисунками этих и других художников сборник обильно проиллюстрирован. Бульшая часть текстов – «неполноценные по своим идейно-художественным качествам» произведения, как сообщал партийный чиновник в ходе кампании против этого издания⁴.

Среди художественно-публицистических текстов альманаха – три очерка Мандельштам (под псевдонимом «Н. Яковлева»): «Хлопот полон рот» – об агрономе колхоза имени Сталина А. И. Козловой; «Птичий профессор» – о птичьей ферме в совхозе «Барятино» и знатном птицеводе, старике П. И. Щекотурове; «Куколки» – о калужской народной вышивке и тарусской фабрике, продолжающей традиции народного промысла (куколками мастерицы называют женские изображения в вышивках).

Мандельштам снимала в Тарусе жилье летом и несколько раз провела зиму в период, когда не имела права проживать ближе, чем на сто первом километре от крупных городов. «Между 1958 и 1965 годами именно Таруса заменила Надежде Мандельштам, истинной кочевнице, все остальные ее „малые родины“ – и Саратов, где она родилась, и Киев, где был ее родительский кров, и Питер с Москвой, где протекала ее собственная семейная жизнь с Осипом Мандельштамом», – пишет П. М. Нерлер [29, с. 200–201].

Все это надо иметь в виду, читая письмо Гинзбург.

Л. Я. Гинзбург – Н. Я. Мандельштам⁵

15 декабря 1961 г.

Дорогая Надежда Яковлевна!

Надеюсь, что благодарственную телеграмму вы своевременно получили. О «Страницах» вам, вероятно, уже много писали и говорили, и успех их вам известен. На имеющиеся в Л[енингра]-де экземпляры (на мой в том числе) уже выстроились очереди.

Там много интересного и – при всей неравноценности – очень мало бездарного. Стихи Заболоцкого дивные. Между тем, к тому, что он в течение многих лет печатал, я была равнодушна. Но «Лицо коня», «Египет», «Воспоминание» идут по самому большому счету. Публикация Цветаевой как-то к сборнику почти не добавляет нового⁶. Прочие стихи разных поэтов читала с интересом. Но заметили ли вы, что у нас утверждается сейчас в стихах особое направление – «прозаическое»; его вдохновитель, очевидно, Слуцкий⁷. Представители этого направления, кажется, гордятся тем, что они суровы и современны. Они обрубают у слова ассоциации и заменяют движение поэтической мысли повествовательной историей, которую можно рассказать своими словами. Они не понимают, что поэтическое слово должно удивлять, – в том числе и самое простое. Мы теряемся от удивления, читая пушкинское: «...А мы с тобой вдвоем предполагаем жить... И глядь – как раз – умрем».

О. Э. в высочайшей степени обладал этим свойством чудесного изображения всех вещей, к которым он прикасался.

Как бы ни воспринимались отдельные произведения, но сборник в целом – важное дело.

Ваши «Куколки» – прекрасный образец очерка. В них очень хорошо соединилось очерковое начало с теоретически-искусствоведческим, с одной стороны; с другой стороны, – с практическими предложениями.

Сборник разбудил во мне давно дремлющее желание посмотреть Тарусу. Можно ли мне снять комнату на неделю или в таком роде? Что если бы я приехала в марте?

У А. А.⁸ была на прошлой неделе. Ей разрешили уже вставать, потом опять было некоторое ухудшение⁹.

Еще раз спасибо за книгу.

Л. Гинзбург

Характерна «литературоцентричность» Гинзбург: причиной познакомиться с Тарусой для нее становится знакомство с «тарусской» (условно) литературой; после «Тарусских страниц» Лидия Яковлевна несколько раз будет отдыхать в этом полугородке-полупоселке, а «кинные приезжали в Тарусу специально для того, чтобы познакомиться с тем или иным автором» [29, с. 204–205].

Характерна и ее реакция на очерки: не обращая внимания на два, вполне типичных для советской прессы, Гинзбург отметила третий, содержащий две цитаты из Мандельштама (без указания автора) [29, с.

205–206] и наиболее интересный: Надежда Яковлевна описывает истоки и традиции промысла, сюжеты калужских вышивок сравнивает с сюжетами, бытовавшими в других культурах. Что касается практических предложений, они существенны: построить дом для выдающейся тарусской вышивальщицы Тони Антоновой, живущей в крохотной, не пригодной для работы комнатке, собрать по деревням последние образцы народных вышивок, создать в Тарусе музей вышивального искусства, продавать в городе ткани и предметы одежды с вышивками. Очерк «Куколки» был одобрен и некоторыми другими «именитыми читателями альманаха» [29, с. 205], в частности, Н. Я. Берковским, на что Мандельштам отреагировала так: «Дорогой Наум Яковлевич! Что вы выдумали чушь про мой очерк? Это типичная „моча в норме“. Я его написала левой ногой, потому что без очерков не прошел бы весь сборник. <...> Так запрягли меня и Фриду Вигдорову» [29, с. 205].

Для разговора же Гинзбург и Мандельштам о стихах в этом письме важно замечание о том, что в современной советской поэзии утверждается «прозаическое» направление. При всей благосклонности к представленным в сборнике талантливым и смелым поэтам, Лидия Яковлевна, сразу отделив от них Цветаеву¹⁰ и Заболоцкого, никого в отдельности не выделяет – им дается лишь общая характеристика.

Действительно, в «Тарусских страницах» поэты как будто специально подобраны по «прозаическому» принципу. Причины такой принадлежности могут быть разноплановые: многолетняя дрессировка советской поэзии в рамках метода соцреализма; необходимость представить в альманахе прежде всего «понятные», в достаточной мере «советские» стихи, иначе издание не пройдет цензуру (Цветаева и Заболоцкий помещены в конце); тяжелый, в том числе военный, опыт многих поэтов, требующий отражения средствами «простого» слова, и возможность в конце 50-х – начале 60-х гг. более-менее прямого публицистического высказывания; наконец, художественный вкус некоторых создателей «Тарусских страниц», в частности, одного из его инициаторов и составителей – Николая Панченко¹¹, произведения которого принадлежат к обозначенному Гинзбург направлению. Приведу фрагмент из напечатанного в альманахе произведения Панченко «Обелиски. Стихи солдата» (это текст в девяти частях – цикл стихов, почти поэма) [34, с. 137–138]:

*Девчонка парикмахершей работала.
Девчонку изнасиловала рота.*

*Ей в рот портянки потные совали.
Ласкали непечатными словами.
Сорвали гимнастёрку с красной ленточкой:
была девчонка ранена в бою.
Девчонку мы в полку прозвали «деточкой»,
невенчанную женщину мою...*

Гинзбург предполагала, что вдохновитель «прозаического» направления – Борис Слуцкий. Ср. позднее высказывание Владимира Корнилова: «Стихотворцы моего поколения и много меня моложе вовсю обдирали Слуцкого. Но главная заслуга Слуцкого не в том, что он создал школу и породил множество последователей. Куда важнее, что он поэт трагедии. В лучших своих стихах он поэт горы и бездны, поэт взлетов и падений» [10, с. 306].

Не самый старший в поэтической команде «Тарусских страниц», Слуцкий был, возможно, самым авторитетным, а стихи, открывающие подборку его произведений [10, с. 210], можно назвать программными. Первое из них – своего рода кредо поэта и образец абсолютной прозаизации стиха:

***

*Надо думать, а не улыбаться.
Надо книжки трудные читать.
Надо проверять – и ушибаться,
Мнения не слишком почитать.
Мелкие пожизненные хлопоты
По добыче славы и деньжат
К жизненному опыту
Не принадлежат.*

Второе называется «Творческий метод» и заканчивается такими строками:

*Поэты отличаются от прочих
Людей
Приверженностью к прямоте
И краткости.*

Декларацией щедро представленного «прозаического» направления в сборнике можно считать также первое стихотворение в подборке стихов Аркадия Штейнберга¹⁴ [10, с. 217]:

Нанутствие

*Пускай на службу человечью
Идет мой затрапезный стих
И вровень с обиходной речью
Простейшим будет из простых.
Пусть он гнушается притворством
Картонной булки показной.
И станет откровенно черствым,
Насущным, как ломоть ржаной.
Пусть будет он подобен хлебу,
Чье назначение и честь –
На повседневную потребу
Тому служить, кто хочет есть.*

В сборнике совсем немного текстов, которые можно назвать собственно лирикой. Среди них – стихи Петра Семынина и несколько стихотворений Наума Коржавина, Андрея Достала и Евгения Винокурова (в случае Достала и Винокурова оговорю, что это не оценка качества текстов). Большая же часть поэтических произведений – это повествовательные стихи с четко обозначенными в названии темами: «Ресторан», «Футбол», «Рассказ солдата», «За ношение орденов!» (Слуцкий), «Хозяин», «Человек», «Учительница» (Штейнберг), «Купание детей», «Заведующий поэзией» (Винокуров) и др. А первые стихотворные тексты альманаха – это лиро-эпические поэмы, подзаголовки которых ставят акцент на их родстве с прозой: «Шофер. Повесть в стихах» Корнилова и «Болховское. Заметки в стихах» Штейнберга. Вообще поэмами являются или тяготеют к форме поэмы в ее эпическом варианте в «Тарусских страницах» многие произведения: «Наталья» Панченко, «Чайная» Самойлова и др.

Этот «черствый» стих, стих «вровень с обиходной речью» не был близок Гинзбург – при том, что воспитанная в эпоху авангарда и крутых перемен во всем, она имела широкий диапазон восприятия, а проблемы влияния живой речи на поэтический язык, влияния прозы на стихи были предметом острого интереса ученых ОПОЯЗа¹⁵, к младшим представителям которого Лидия Яковлевна принадлежала в 20-е гг.

Признание, что она была равнодушна к тому, что в течение многих лет печатал Заболоцкий, говорит о том же настороженном отношении к прозаизации стиха, к «простоте» и «прямоте» «прозаического» направле-

ния. Заболоцкий 20-х гг., «хлебниковский», обериутский, ей интересен: «Какая сила подлинно поэтического безумия в этом человеке...»¹⁶. Ему она посвящает воспоминания, которые одновременно являются анализом его творчества: «Послесимволистическая поэзия отбросила сверхчувственные значения символизма, но осталась повышенная способность слова вызывать неназванные представления, ассоциациями замещать пропущенное. <...> Ранний Заболоцкий – поэт конца 1920-х годов, чьим неотъемлемым достоянием является опыт его предшественников. Самоутверждаясь, он боролся с этой поэтикой, и все же она была у него в крови, поэтика индивидуальных контекстов и ветвящихся ассоциаций» [7, с. 483]. «Идея простоты завладевает в тридцатых годах Зощенкой, Заболоцким, Пастернаком. Манделштам в стихах не допускал уступок, поэзия у него была крепко ограждена, но его жизневосприятие в высшей степени было подвержено эпохальным веяниям» [7, с. 289]. Надо отметить, что стихов Заболоцкого, чья «простота» – это, говоря словами Гинзбург, «приспособляемость к обстоятельствам» [7, с. 285], в подборке альманаха нет: в альманахе не те стихи, которые он печатал; 10 стихотворений «Тарусских страниц», написанных с 1926 по 1956 г., – это тексты, публиковавшиеся впервые. Лидия Яковлевна выделяет у Заболоцкого произведение 1926 г. «Лицо коня» со сложной поэтикой и совсем другие, уже послелашерные стихи – «Воспоминание» (1952) и «Бегство в Египет» (1955). Можно сказать, что им свойственна простота, но это не простота тридцатых годов, а тонкость нитей, связующих стихотворение с культурой, мудрость прошедшего через страдание, благоговение перед теплящейся жизнью, прозрачность последнего знания о ней.

*...Но когда пришла идея
Возвратиться нам домой
И простерла Иудея
Перед нами образ свой –*

*Нищету свою и злобу,
Нетерпимость, рабский страх,
Где ложилась на трущобу
Тень распятого в горах, –*

*Вскрикнул я и пробудился...
И у лампы близ огня*

*Взор твой ангельский светился,
Устремленный на меня.*

Определяя особые свойства такой простоты, Гинзбург говорит о Пушкине и как пример удивляющего слова называет Мандельштама, чьи стихи с 1920-х гг. были для нее – читателя и исследователя¹⁷ – одним из важнейших явлений в русской поэзии.

Ответ Надежды Яковлевны на это письмо:

Н. Я. Мандельштам – Л. Я. Гинзбург

<26 декабря 1961 г.>¹⁸, Таруса

Милая Лидия Яковлевна!

Очень обрадовалась вашему письму. В Тарусе всегда можно снять комнату и хозяйка будет готовить. <...>

Мне очень интересно, что вы пишете про современных поэтов. Не то ли это, что О. М. называл «пересказом» (все, что поддается пересказу, – «там простыни не смяты, там поэзия даже не ночевала» – «Разговор о Данте»¹⁹; кстати, недавно я это же прочла у Владимира Соловьева. О. М. почти его не упоминал, а его влияние (философское) – несомненно. Доказать это мне будет нетрудно). Я это очень остро чувствую у «молодых» (кроме Корнилова) – (молодым лет по сорок). Слуцкий мне чем-то интересен. Как многие хорошие люди, он делает себя из своих недостатков (я перечислю их при встрече, а то на бумаге очень зло); при этом он о чем-то думает и все говорят, что он хороший человек. Немало? Так или иначе, это человек. <...> Отношений у меня с ним не выходит – страшно раздражаем друг друга и кусаемся.

А «прозаизм»... Б. Л. <Пастернак> сказал мне как-то: «Главное в поэзии – это проза» (еще в молодости). Есть прозаизмы – во! А что такое поэзия? Удивление ничего не объясняет. Разве вы не ахаете иногда от прозы? Например, Анна Каренина как-нибудь повернется и ахнешь. (А я Толстого не люблю.) Вспомните... Зоркость зрения... А что такое стихи? Ведь это не просто концентрат. Вероятно, надо обратиться к Соловьеву, которого я сейчас для себя открыла. Очень огорчена, что так поздно. (Хотя держится далеко не все.) Приезжайте открывать Соловьева, топить печку, разговаривать и гулять. Но не ждите до марга... <...>

Интересно, что «повесть в стихах» «Шофер» выделенного Надеждой Яковлевной Корнилова, с которой он «начался для широкого читателя» («Его полюбили, ему поверили») [1, с. 388], – как раз один из самых «прозаических» стихотворных текстов «Тарусских страниц», причем написана она на «правильную» тему – освоение целины и заканчивается мажорно:

*На платформе, где год назад
Кавторанг обнимался с Тонькой,
Одиноко стоял солдат.
Видно, с поезда снялся только.
Я позвал:
– Залезай, земляк!
Подвезу, если в нашу сторону! –
Он расспрашивал:
– Где и как?
Отвечал я:
– Повсюду здорово. –*

*А навстречу нам шло зерно,
Сто машин пронеслось, наверно.
Он им вслед поглядел:
– Сильно.
– Нет, – сказал я, – обыкновенно. –
Пропадали звезды уже,
Полночь таяла понемногу.
Я не рылся в чужой душе,
Как всегда, наблюдал дорогу.*

[34, с. 27].

При всем том в подзаголовке «повести», ее стилистике, поворотах сюжета есть вызов, бескомпромиссность, свойственные поэзии Корнилова и ему самому²⁰. Произведение, в высшей степени шестидесятилетнее, было подробно раскритиковано в уже упоминавшейся докладной записке в ЦК партии: «В этой поэме во многих местах неправильно описываются события, связанные с призывом партии к молодежи об освоении целины. Целина показана как место для неудачников, людей, которым не повезло в жизни. Отсутствует героика освоения целины. Отдельные главы поэмы, в которых описывается жизнь страны, содержат политически ошибочные и клеветнические утверждения. Автор явно противопоставляет “начальство” народу, считает, что в распределении материальных благ в стране отсутствует справедли-

вость. Такого положения, когда „народ живет небогато“ и „мается“, не было бы, по утверждению автора, если бы был жив Ленин <...> Говоря о ночной Москве, автор пишет о „ночных девочках“, пьяных летчиках, выходящих из ресторанов, о сердобольных вдовах и т. п.» [31].

К Корнилову как человеку и поэту с симпатией относилась не только Мандельштам, но и Ахматова, давшая ему рекомендацию в Союз писателей: «...Яркий и гибкий стих, талант точной и выразительной обрисовки современных характеров, а также настойчивые и плодотворные поиски путей поэтического освоения современной разговорной речи (это – одна из первостепенных задач русского стиха)...» [11, с. 387]. Свидетельство Вяч. Вс. Иванова: «Говоря о современной нам поэзии, Анна Андреевна – с небольшими вариантами – нередко повторяла один и тот же набор имен тех, кого считала самыми одаренными: Петровых, Тарковский, Самойлов, Корнилов – о нем я не раз слышал как о поэте, который сумел ввести в поэзию теперешнюю разговорную речь, язык прозы»; «Мне нравятся его опыты современной разговорной речи; нужно, чтобы кто-нибудь этим занимался» [5, с. 495, 491]. Слова Ахматовой в записи Л. К. Чуковской: «Он берет все в лоб, обычно это худо, а ему удается» [41, с. 520].

«Нужно, чтобы кто-нибудь этим занимался», но всё же советские поэты «прозаического» направления, даже лучшие, – это не Мандельштам, так это для Ахматовой, для Надежды Яковлевны, для Лидии Яковлевны. Ср. дневниковую запись Гинзбург 1931 г.: «...последние стихи Мандельштама. <...> есть книги, которые мы читаем с разной степенью удовольствия, и книги, с которыми мы живем. И тогда не об удовольствии речь, а о том, как книга распорядится нашим сознанием» [7, с. 96].

Однако важна ссылка Надежды Яковлевны на Пастернака: «„Главное в поэзии – это проза“ <...> Есть прозаизмы – во!» Пастернак как аргумент в защиту прозаизмов упомянут вполне ожидаемо. В связи с этим приведу слова Корнилова в его «Книге о русской лирике», в главе о Слуцком: «...В Борисе все было характерно слуцким. Его разговорная речь несколько не отличалась от стихотворной. Таковую особенность я замечал только у Пастернака <...> только у Пастернака и у Слуцкого разговорная речь совершенно естественно, без малейших усилий, переходила в стихотворную...» [10, с. 492, 506]. Но если для Пастернака в стихах драгоценны «прозы пристальной крупницы»²¹, то стихи поэтов «прозаического» направления – это проза по преимуществу. Думается, что причины сходства разговорной и стихотворной речи у Пастернака и Слуцкого были разными: поэзия Слуцкого «прозаична», а речь Пастернака «поэтична». Самому пастернаковскому мышле-

нию, мировосприятию была присуща, пользуясь словами Гинзбург, «поэтика индивидуальных контекстов и ветвящихся ассоциаций». То же можно сказать и о Мандельштаме. В 1933 г. Лидия Яковлевна записала после встречи с ним: «Он располагает обыденным языком, немного богемным, немного вульгарным. Вроде того как во время чтения он, оглядываясь, спросил: „Не слишком быстро я тараторю?“ Но стоит начать важную тему, и с силой распахиваются входы в высокую речь. Он взмахивает руками, его глаза выражают полную отреченность от стула, и собеседника, и недоеденного бутерброда на блюде. Он говорит словами своих стихов: косноязычно (с мычанием, со словом „этого...“, непрерывно пересекающим речь, грандиозно, бесстыдно. Не забывая все-таки хитрить и шутить» [7, с. 120].

По мнению Надежды Яковлевны, в стихах могут быть прозаизмы, но не «пересказ». Если продолжить цитировать «Разговор о Данте», – необходима «метаморфоза» слова. Это имеет в виду и Гинзбург, противопоставляя Мандельштама «прозаическому» направлению поэзии 60-х гг. Однако критерий «чудесного изображения»: «Поэтическое слово должно удивлять», – не убедителен для Надежды Яковлевны, ищущей такое определение поэзии, которое можно принять без оговорок, некий абсолют, точно попадающий в ее тайну и предназначение.

«А что такое стишки? Ведь это не просто концентрат», – продолжает она разговор, возможно, отвечая на недошедшую до нас реплику Лидии Яковлевны. В книге Гинзбург «О лирике», которая выйдет через несколько лет, в 1964 г., встретится слово «концентрат»: «Стиховой строй в высшей степени динамизирует художественное слово (из чего вовсе не следует, что стиховая форма может превратить в поэзию любое сочетание слов). Свойства же стихового слова с предельной интенсивностью, в чистом виде выражены в лирике. Лирическое слово – концентрат поэтичности. Оно должно обладать несравненной силой воздействия» [8, с. 8]. Определяя таким образом свойства лирических стихов, Гинзбург оставалась верна опоязовской школе, прежде всего – своему учителю Ю. Н. Тынянову, в 1924 г. в книге «Проблема стихотворного языка» обозначившему главные признаки лирики так: «теснота и единство стихового ряда» и «динамизация речевого материала» [цит. по: 37, с. 67].

Надежда Яковлевна же думала не об открытиях отечественного литературоведения, а о том, что впитала из разговоров с Мандельштамом и из его прозы. По мнению одной из свидетельниц последних лет ее жизни, она «не признавала никаких авторитетов, кроме Господа Бога и Мандельштама», «Для нее <...> истина была сосредоточена в Мандельштаме...» [29, с. 356, 360]. Снижая пафос, Надежда Яковлевна

использует «домашнее» словцо Мандельштамов – стишки («„Послушай стишок, – говорил О. М., – как он? Ничего?“» [17, с. 240]). Говоря о «концентрате», она, по-видимому, имеет в виду то, о чем Мандельштам сказал так: «Я мыслю опущенными звеньями» [6, с. 19]. Он говорил о своей прозе, но тем более это относится к стихам. О том же с другой стороны – в «Разговоре о Данте»: «Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку» [19, с. 119]. И, наконец, в «Утре акмеизма»: «...Скромная внешность произведения искусства нередко обманывает нас относительно той чудовищно-уплотненной реальности, которой оно обладает» [19, с. 168].

Но, по мысли Надежды Яковлевны, стихи – это не просто «концентрат», «чудовищно-уплотненная реальность», а и что-то еще. Что? «Вероятно, надо обратиться к Соловьеву...».

Идеей, близкой мысли Мандельштама о пересказе и метаморфозе, пронизана статья В. С. Соловьева «Общий смысл искусства»: «...Эстетическая связь искусства и природы гораздо глубже и значительнее. Поистине она состоит не в повторении, а в продолжении того художественного дела, которое начато природой, – в дальнейшем и более полном разрешении той же эстетической задачи» [33, с. 74]. Правда, религиозного философа волнуют не столько проблемы искусства, сколько то, чему посвящен упоминаемый Надеждой Яковлевной в других контекстах труд «Оправдание добра»: возможность преображения человека и человеческого общества: «Совершенное искусство в своей окончательной задаче должно воплотить абсолютный идеал не в одном воображении, а и в самом деле, – должно одухотворить, пресуществить нашу действительную жизнь» [33, с. 89]. Подхватывая начатый Гинзбург разговор о «прозаизации» поэзии, Надежда Яковлевна ссылкой на Соловьева переводит его в другой регистр. Подробнее о влиянии Соловьева на Мандельштама она пишет в книге «Воспоминания»: «...в какой-то юношеский период его собеседником был Владимир Соловьев, который как философ, а не поэт, очевидно, гораздо ближе О. М., чем принято думать. <...> следы формообразующего влияния Владимира Соловьева разбросаны у О. М. повсюду. Они – в христианско-религиозном мировоззрении соловьевского толка, в методах и способах полемики, в разговорах, во многих устоявшихся понятиях и даже в отдельных словах»²² [17, с. 319–320].

Но и выход на «самое главное»²³, видимо, не давал Надежде Яковлевне окончательного «ключа» к поэзии Мандельштама. Упоминание в ряде ее последующих писем разных школ анализа художественного произведения указывают на продолжение поиска.

Так, 27 января 1963 г. она пишет:

...Как ваша работа? Мне очень интересно бы заглянуть.

**Читала структуралистов – декларацию о поэзии (пражскую).
Мертвое дело: истины заурядные, а треску много. И стиль – лев-
фовский: никто, кроме нас. Это двадцатые годы, когда так было
принято...**

В это время Гинзбург работала над книгой «О лирике».

Что касается пражской декларации, то, по ее мнению, Надежда Яковлевна имела в виду «Тезисы о поэтическом языке» Пражского лингвистического кружка²⁴, опубликованные в 1929 г. В «Тезисах» впервые давалось систематическое изложение программы кружка, основной идеей которого было представление о языке как о функциональной системе. Один из разделов работы назван «Поэтический язык» – он-то и привлек внимание Надежды Яковлевны.

Первый тезис раздела освещает вопрос, обсуждавшийся в их переписке: «Разработка основ *синхронического описания поэтического языка* должна стремиться освободиться от ошибок, заключающихся в отождествлении языка поэтического с языком общения. Поэтическая речевая деятельность с точки зрения синхронической принимает форму речи, то есть индивидуального творческого акта, приобретающего свою значимость, с одной стороны, на основе современной поэтической традиции (поэтический язык), а с другой – на основе современно-го языка общения. Взаимоотношения поэтического творчества с этими двумя лингвистическими системами крайне сложны и разнообразны, почему их необходимо исследовать как с точки зрения диахронии, так и с точки зрения синхронии. Специфические свойства поэтической речевой деятельности проявляются в отклонении от нормы, причем характер, тенденция и масштаб этого отклонения очень различны. Так, например, приближение поэтической речи к языку общения может быть обусловлено противодействием существующей поэтической традиции: четкие в известные периоды времени взаимоотношения поэтической речи и языка общения в другие периоды как бы не ощущаются вовсе» [30, с. 28–29].

С одной стороны, проблемы, которые ставились в работе, к 60-м гг. не могли быть для Надежды Яковлевны чем-то новым, с другой стороны, тезисы если и приближали к ответу (общего плана) на вопрос «А что такое стихи?», все-таки не давали его, ключа же к стихам Мандельштама в них тем более не было.

Надежду Яковлевну не мог не раздражать и язык декларации, слишком далекий от языка поэзии. *«В соответствии с положением о том, что поэтическое творчество стремится опереться на автономную ценность языкового знака, вытекает, что все стороны лингвистической системы, играющие в языке общения только подсобную роль, в поэтической речевой деятельности приобретают уже самостоятельную значимость. Средства выражения, группируемые в этом аспекте, равно как и их взаимоотношения, стремящиеся в деятельности общения автоматизироваться, в поэтическом языке, напротив, направлены на актуализацию <...> Поэтическое произведение – это функциональная структура, и различные элементы ее не могут быть поняты вне связи с целым. <...> Организующий признак искусства, которым последнее отличается от других семиотических структур, – это направленность не на означаемое, а на сам знак. Организующим признаком поэзии служит именно направленность на словесное выражение. Знак является доминантой в художественной системе, и если историк литературы имеет объектом своего исследования не знак, а то, что им обозначается, если он исследует идейную сторону литературного произведения как сущность независимую и автономную, то тем самым он нарушает иерархию ценностей изучаемой им структуры»* [30, с. 29, 31–32]. О чем-то подобном писал Мандельштам в «Разговоре о Данте», но он и в своих статьях оставался поэтом: «Стихи Данта сформированы и расцвечены именно геологически. <...> Вообразите памятник из гранита, воздвигнутый в честь гранита и якобы для раскрытия его идеи, – таким образом вы получите довольно ясное представление о том, как соотносится у Данта форма и содержание» [19, с. 118–119].

Отвергнув, со свойственной ей резкостью, декларацию Пражского лингвистического кружка, Надежда Яковлевна продолжила поиск ответа на свой вопрос. 8 февраля 1963 г. она обращалась к Гинзбург, отзываясь на несохранившееся письмо:

...А теперь о разном. Где лучшие работы опоязовцев? Тынянов и Эйхенбаум опоязовцы? А это держится? Этот языковедческий сборник я постараюсь посмотреть²⁵.

Насчет фрейдизма так и говорили. Это остроумно. Но было у Фрейда еще кое-что. (Не думайте, что это моя слабость, – я на фрейдизм никогда не клевала, но «кое-что» увидела недавно.) Это «кое-что» очень большое явление для науки. Он открыл не прямые, т. е. не логические, ходы мышления и духовной жизни в

период, когда, кроме логических, никаких категорий не было. А было ли «кое-что» у структуралистов? Черт их знает. Я пока не видела.

И еще об историцизме. Очень мило, конечно, знать, что Шекспир – елизаветинец или Еврипид – грек. Эпоха и все прочее... Без этого, вероятно, не обойдешься. Но для понимания «кое-чего», что сохраняет эти вещи неприкосновенными в течение столетий, это знание ничего не дает. Тот бергсоновский веер времени, который нагло выдумал Оська в своих статьях, это здоровый и хороший выпад против историцизма, способ сохранять вещь в накаленном состоянии через много веков. Какое они имеют значение, кроме формы одежды, дома и отчасти мысли? В науке, где есть преэмптионность, с историцизмом получше. Но всё ли это? Не один ли это из подходов, да и то не самый главный? Дарвин – это историцизм²⁶. Но это только один из ходов научной мысли, бьющейся о тайну бытия. А искусство, которое, вероятно, занимается тем же, как изучать его с помощью одного метода? Беда, что тут тайна тоже глубока. Хорошо жить с сознанием тайны. Спокойнее.

Хочу заглянуть в вашу книгу...

Я только что писала о том, как Оська собирал книги (горсточку) и читал. О его анахронистическом подходе к поэзии. Надо бы понюхать, что такое «гештальтпсихология»²⁷. Там что-то есть.

Целую вас крепко.

Н. М. <...>

«О разном» здесь оказывается – о разных попытках ответить все на тот же вопрос.

Интерес Мандельштам к ОПОЯЗу, надежда на него в этом плане закономерны: в работе ОПОЯЗа участвовали лучшие филологические силы страны, включая Гинзбург, идеи опоязовцев оказали влияние на Пражский лингвистический кружок, на появление западного структурализма, постструктурализма и проч., на деятельность Московско-Тартуской семиотической школы; повлияли они и на развитие других гуманитарных наук, а также на художественную практику – на литературу, кино, театр. В статье «Выпад» Мандельштам восклицает: «Критики, как произвольного истолкования поэзии, не должно существовать. Она должна уступить объективному научному исследованию – науке о поэзии»²⁸. О том же он пишет в 1922 в связи с публикациями о Блоке: «...тяжелый ядовитый туман Иванова-Разумника, Айхенвальда и др., сгустившийся в прошлом году, еще не рассеялся. Лирика о лирике

продолжается. Самый дурной вид лирического токованья. Домыслы. Произвольные посылки. Метафизические догадки. Все шатко, валко: сплошная отсебятина. Не позавидуешь читателю, который пожелает почерпнуть знание о Блоке из литературы 1921–22 гг. Работы, именно „работы“, Эйхенбаума и Жирмунского тонут в этой литании, среди болотных испарений лирической критики»²⁹. В том же 1922 г.: «Опыт последних лет доказал, что единственная женщина, вступившая в круг поэзии на правах новой музы, это русская наука о поэзии, вызванная к жизни Потребней и Андреем Белым и окрепшая в формальной школе Эйхенбаума, Жирмунского и Шкловского» [21, с. 257].

О близости многих положений мандельштамовских статей идеям формалистов, о переключках между ними (предвосхищениях и, по-видимому, взаимовлияниях), но также и об отличиях пишет Е. А. Тоддес в статье «Мандельштам и опоязовская филология» [35]. Письмо Мандельштама Тынянову, посланное в 1937 г. из Воронежа, показывает, что диалог с формалистами был важен для поэта до конца: «Хочу Вас видеть. Что делать? Желание законное. Пожалуйста, не считайте меня тенью. Я еще отбрасываю тень. Но последнее время я становлюсь понятен решительно всем. Это грозно. Вот уже четверть века, как я, мешая важное с пустяками, наплываю на русскую поэзию; но вскоре стихи мои с ней сольются и растворятся в ней, кое-что изменив в ее строении и составе <...>»³⁰.

Так что желание Надежды Яковлевны посмотреть, нет ли ключа к поэзии в работах формалистов, понятно. Однако на самом деле ее отношение к системному подходу к поэзии сформировалось раньше, до вопроса, заданного в 1963 г. Лидии Яковлевне. В письме 1962 г. литературоведу Д. Е. Максимову она высказала убеждение, что «желание всё в литературе облечь в систему всегда заставляло упускать разное, другое и существенное»³¹ [26, с. 292]. А в 1964 г. написала ему же: «...формальный анализ не дает ничего, говорить можно о человеке и его времени, о мировоззрении и мироощущении»³² [26, с. 295]. Так что ее резолюция по прочтении трудов опоязовцев в целом вполне предсказуема. И фраза: «А было ли “кое-что” у структуралистов? Черт их знает. Я пока не видела», где под «структуралистами» могут пониматься представители разных школ, говорит о той же позиции. Ср. с письмом Максимову 1965 г.: «Читала (вернее, просмотрела) книгу Лотмана. В ней много здравых мыслей, неожиданно точных и широких, но наукообразие доведено до предела. Что он думает? Познать, скажем, Пушкина, чтобы построить еще одного? Ведь таково назначение знаковых систем...»³³ [26, с. 299].

Перебирая разные филологические пути к художественному тексту, Надежда Яковлевна высказывается и об историко-литературном

подходе, называя его «историцизмом». И поскольку наличные филологические ключи, «логические ходы», по ее мнению, не открывают дверцу, она ведет параллельный поиск в области психологии и филологии.

Поэтому всплывает гештальтпсихология. Ясных представлений об этой школе у нее нет, но сам по себе психологический подход к художественному творчеству кажется ей перспективным.

Что касается Фрейда, то на какое высказывание Гинзбург она отвечает и что остроумно говорили «насчет фрейдизма» в России (по-видимому, в 1920-е гг.³⁴), неизвестно. Может быть, стоит привести запись Гинзбург 1930 г.: «Молодой преподаватель одного из колледжей Оксфорда рассказал Анне Андреевне, что среди молодых английских интеллектуалов принято ездить в Вену к Фрейду лечиться от комплексов. „Ну и как, помогает?“ – спросила Анна Андреевна. „О да! Но они возвращаются такие скучные, с ними совсем не о чем разговаривать!“» [7, с. 83]. Упомянув об открытии Фрейдом «не прямых, т. е. не логических, ходов мышления и духовной жизни», Надежда Яковлевна, вероятно, имеет в виду открытия Фрейда в области психологии человека вообще. Но, конечно, ее не могли не интересовать идеи Фрейда о художнике и художественном творчестве. Говоря о вере первобытного человека в магическую силу мысли и желания и исчезновении этой веры в последующие эпохи, Фрейд отмечал: «В одной только области всемогущество мысли сохранилось, это область искусства. В одном только искусстве еще бывает, что томимый желанием человек создает нечто похожее на удовлетворение и что эта игра – благодаря художественным иллюзиям – будит аффекты, как будто бы она представляет собой нечто реальное. С правом говорят о чарах искусства и сравнивают искусство с чародеем, но это сравнение имеет, может быть, большее значение, чем то, которое в него вкладывают. Искусство, несомненно, не началось как *l'art pour l'art*³⁵, первоначально оно служило тенденциям, большей частью уже заглушим в настоящее время» [38, с. 94]. Мандельштам должно было импонировать утверждение Фрейда: «К сожалению, психоанализ вынужден сложить оружие перед проблемой писательского мастерства» [39, с. 284]. Но попытки ученого объяснить истоки творчества сублимацией и реализацией свойственных всем людям фантазий не могли казаться ей достаточными.

Если, вспоминая в поздние годы «новости» 1922 г., Надежда Яковлевна записала: «Фрейд (О. М. отнесся равнодушно и смеялся)» [18, с. 956], то к Бергсону она подходила гораздо более серьезно – вслед за Мандельштамом, в 1907–1908 гг. в Париже слушавшим его лекции. Ее интересовали его идеи об открытых и закрытых обществах [см.,

напр.: 18, с. 292]. Но в данном случае речь идет не о них, а о «бергсоновском веере времени». Бергсона Мандельштам упоминает в статье «О природе слова» (1920–1922), ставя перед собой вопрос: «...является ли русская литература современная – той же самой, что литература Некрасова, Пушкина, Державина или Симеона Полоцкого?» «Веер времени» дает ему возможность увидеть литературу как единство: «Бергсон рассматривает явления не в порядке их подчинения закону временной последовательности, а как бы в порядке их пространственной протяженности. Его интересует исключительно внутренняя связь явлений. Эту связь он освобождает от времени и рассматривает отдельно. Таким образом, связанные между собой явления образуют как бы веер, створки которого можно развернуть во времени, но в то же время он поддается умопостигаемому свертыванию. <...> Наука, построенная на принципе связи, а не причинности, избавляет нас от дурной бесконечности эволюционной теории, не говоря уже о ее вульгарном прихвостне – теории прогресса. Движение бесконечной цепи явлений, без начала и конца, есть именно дурная бесконечность, ничего не говорящая уму, ищущему единства и связи, усыпляющая научную мысль легким и доступным эволюционизмом, дающим, правда, видимость научного обобщения, но ценою отказа от всякого синтеза и внутреннего строя. <...> Для литературы эволюционная теория особенно опасна, а теория прогресса прямо-таки убийственна. Если послушать историков литературы, стоящих на точке зрения эволюционизма, то получается, что писатели только и думают, как бы расчистить дорогу идущим впереди себя, а вовсе не о том, как бы выполнить свое желанное дело, или же получается, что все они участвуют в конкурсе изобретений на улучшение какой-то литературной машины, причем неизвестно, где скрывается жюри и для какой цели эта машина служит. Теория прогресса в литературе – самый грубый, самый отвратительный вид школьного невежества. Литературные формы сменяются, одни формы уступают место другим. Но каждая смена, каждое такое приобретение сопровождается утратой, потерей. Никакого “лучше”, никакого прогресса в литературе быть не может – просто потому, что нет никакой литературной машины и нет старта, куда нужно скорее других доскакать.

Даже к манере и форме отдельных писателей неприменима эта бессмысленная теория улучшения, – здесь каждое приобретение также сопровождается утратой и потерей» [19, с. 55–57]. Итак, не теория эволюции, в следовании которой Надежда Яковлевна обвиняет «историзм», а изучение внутренней связи явлений – вот что необходимо. Она говорит о мандельштамовском «анахронистическом подходе к

поэзии». В книге «Воспоминания» она пишет, вновь обращаясь к Бергсону: «У Ахматовой и О. М. была поразительная способность, читая поэтов, как бы вычеркивать разделяющее их время и пространство. Такое чтение по природе своей анахронично, и они вступали с автором в личные отношения. Оно равносильно общению и разговору не только с современниками, но и с теми, кто давно ушел» [17, с. 318].

Почему же «бергсоновский веер времени <...> нагло выдумал Оська»? Сам этот образ есть в работе Бергсона «Творческая эволюция», но в контексте, противоположном мандельштамовскому³⁶: «А между тем последовательность – факт неоспоримый, даже в материальном мире. Рассуждая об отдельных системах, мы можем сколько угодно предполагать, что прошлая, настоящая и будущая история каждой из них может быть развернута сразу, подобно вееру: но история эта все же будет разворачиваться постепенно, как будто ее длительность была аналогична нашей» [2]. Обретенный образ оказался для Мандельштама важнее этого контекста, вошел в его стихи:

*...И раскрывается с шурианьем
Печальный веер прошлых лет...*

(«Меганом», 1917)

Но если бы разворачивание «веера времени» было все открывающим магическим ключом, не упоминала бы Надежда Яковлевна после него гештальтпсихологию. По-видимому, такого универсального ключа, с ее точки зрения, нет: «А искусство <...> как изучать его с помощью одного метода?»

В ее дальнейших письмах о сути поэзии говорится в связи с книгой Гинзбург «О лирике». Прочитав главу о Блоке из не напечатанной еще монографии, в письме от 7 мая 1963 г. она что-то ругает, но в основном довольна:

...Я сказала <Максимову>, что меня поразило, как анализом самого материала – того, что Ося называл «поэтической материей» – вы умеете дать важные черты самой сущности явления. (Из сущности, разумеется, можно выдернуть только «черты» – и это очень много. <...>) Значит, анализ материала захватывает какие-то глубокие вещи, очень присущие явлению. (У Виктора³⁷ всегда скользит по второстепенному и тому, что можно разобрать «механическими щипчиками» <...>) Потом о слове, проза-

изме, стилизации. Сто лет употребляешь термин, и вдруг он раскрывается. Это как с аксиомами в математике. В поэзии это очень трудно сделать анализом. Она не терпит анализа. А в этом ваш особый дар – ваш анализ не разрушает целого...

«Механические щипчики» взяты из «Разговора о Данте»: «В холодном виде, насильственно оторванная от своей раскаленности, Дантова „Комедия“ годится лишь для разбора механическими щипчиками, а не для исполнения» [19, с. 134].

Это письмо – самая большая похвала Лидии Яковлевне. Впоследствии такой безоговорочной похвалы она уже не устаивалась.

Еще не вышла книга, не прочитана даже рукопись, как – 22 октября 1963 г. – Надежда Яковлевна написала вполне нежное письмо, жестко определяющее ее позицию:

Милая Лидия Яковлевна!

Импульс для этого письма самый дурацкий. Просто в прошлом письме я забыла вам написать, что сейчас аналитический метод исследования беспомощен. Видно, эпохи с потребностью в анализе и в синтезе равномерно сменяются. Эпоха анализа ушла в прошлое. Он сейчас не нужен. Поэтому так поднялась поэзия, а будущее в науке за синтезом. Должна всплыть форма «эссе».

Как видите, меня надо отправить в сумасшедший дом... Не знаете ли случайно, как Анна Андреевна? Я по ней скучаю... Если будет ваша милость, позвоните ей.

Целую вас.

Н. М...

В «эссе» может даже сойти защита анализа, если она сделана с синтетических позиций...

Это удар по самому способу мышления Гинзбург: не только в литературоведческих трудах, но и в записных книжках, в эссе, даже в прозе, близкой к художественной (такой, как «Записки блокадного человека»), глубинный, точный анализ – главный ее метод. Значит, по Мандельштам, аппарат Гинзбург не годится для работы с поэзией.

Удар этот тем больнее, что сама Лидия Яковлевна, которая в глазах современников, а затем и потомков, – один из лучших представителей своей науки, в нужности своего дела и в своем призвании уверена не была. В 1954 г. она писала в дневнике: «Литературоведы наших дней иногда интересуются своей работой, чужой же никогда. <...> Я тоже

не хочу читать литературоведческие книги. Плохие вызывают скуку, хорошие – могли бы вызвать зависть... Но для зависти не хватает заинтересованности. М.³⁸ говорит – литературоведение потеряло ключ к духовной жизни человека. В 20–30-х годах оно еще владело ключом. <...> как всегда в истории культуры, это была волна <...> Волна теоретической и историко-литературной мысли поднялась из недр большой литературы. Ждать новой такой волны нам, быть может, уже не по возрасту»; а в 1970–1980-е гг.: «Полвека (уже больше) я веду двойной разговор – о жизни и о литературе. Полвека длится двоящееся беспокойство: когда о литературе – значит, занимаюсь не главным делом; когда о жизни – занимаюсь нереализуемым. Разговор о литературе питался когда-то молодым пафосом ученичества, потом волей к исследованию. В непролазной, все затопившей на этом участке скуке (после 30-х годов) развилась постепенно неприязнь даже к самому этому слову – *литературоведение* (что-то в нем есть ханжеское). Неприязнь, облекавшая обиду: зачем паразитировать на чужом понимании тому, кто может сказать о своем?» [7, с. 202, 269]. Главным делом своей жизни Гинзбург считала прозу, причем не ту блестящую прозу записных книжек, которую сама назвала «промежуточной», – она много лет лелеяла замысел написать большой роман в духе прустовского [см. подробнее об этом: 25]. Он был «нереализуем», в частности, потому что не был бы напечатан, как не печатались ее записные книжки и документальная проза. Впрочем, и литературоведческие работы Гинзбург либо не публиковались, либо публиковались совсем не в том виде, в каком она хотела их видеть. Фальсификация советского литературного процесса – это и была основная причина «все затопившей <...> скуки». Вот тот контекст, в котором оказалось письмо Мандельштам о беспомощности аналитического метода.

Несмотря на то, что высказывания Надежды Яковлевны не подразумевают возражений, между корреспондентками идет полемика, о которой, к сожалению, у читателя неизбежно складывается одностороннее представление, поскольку ответы Гинзбург неизвестны. 3 ноября 1963 г. Мандельштам поясняет свою позицию:

...Но есть вещи неразложимые. Разложимо ли стихотворение?.. Я понимаю описание литературного пути, взглядов, еще многого <...>

Наконец, действительно ли все формы познания делятся на науку и искусство? Очень чистенькое деление. <...> Человеческая мысль проявляется во многих формах, отнюдь не разлагающихся на два раздела.

Не защищайте исключительной роли анализа. <...> Анализ анализом, а как быть со стихами? Паршивая штука – все переворачивает еще больше, чем музыка...

Итак, строгая и тем более академическая наука не подходит. Максимуму, одобряя многое в его книге о Лермонтове [15], Надежда Яковлевна пишет (1964): «...у меня есть потребность в ценностном анализе и в мнении автора книги. Мне мешает его академическая тога, его страх уйти из традиции...»³⁹ [26, с. 298]. А вскоре, в 1965 г., уже гораздо резче: «Но все же я думаю – науки – литературоведенье – нет (есть история литературы, есть философский анализ писателя)... Но в философском – мировоззренческом анализе, который является результатом сочувственного чтения, можно гораздо свободнее – не рядиться под науку с ее систематическим изложением – а показывать и открывать самого себя, быть со-писателем. И это очень важно для людей, которые читают. <...> Не наступила ли уже такая эра?»⁴⁰ [26, с. 299] Такая «эра» тогда не наступила – хотя бы потому, что у исследователей литературы не было свободы слова. Даже письма Лидии Яковлевны написаны с учетом непрошеного читателя-надзирателя. Свободно создавалось только то, что она заведомо писала «в стол» и что, по-видимому, Мандельштам не читала.

В конце 1964 г. вышла книга «О лирике». Получив ее в начале 1965 г., Надежда Яковлевна откликнулась после прочтения первых же страниц:

...Вспомнила О. М., который говорил (в записных книжках к «Разговору о Данте») о том, что поэзия невыводима из культуры и бесконечно более «сырьё», чем разговорная речь. Думаю, что он прав. Это-то и есть поэзия. А стихи часто бывают литературой. Даже у одного поэта – есть и литература, и поэзия. О чем же думать? Мне кажется, самый существенный вопрос, как провести эту грань между литературой и поэзией...

Говоря о «сырьевой самостоятельности поэтической речи», Мандельштам называл культуру «соотносительным приличием задержанных в своем развитии и остановленных в пассивном понимании исторических формаций»⁴¹. Соответственно то, что Надежда Яковлевна обозначала словом «литература» – производное этого закорстевшего исторического «приличия». В этом смысле Дант не «приличен»: «Чтобы речь была здорова, он всегда прибавляет к ней варварскую примесь <...> как будто он не только говорит, но и ест и пьет, то подражая домашним животным, то писку и стрекоту насекомых, то бляющему стар-

ческому плачу, то крику пытаемых на дыбе, то голосу женщин-палакательниц, то лепету двухлетнего ребенка»; «поэтическая речь бесконечно более сыра, бесконечно более неотделанна, чем так называемая „разговорная“» [19, с. 153–154, 159]. Вопрос, на который Надежда Яковлевна ждет ответа в исследовании Гинзбург и заранее подозревает, что его не будет: как отличить стихи, написанные принятым поэтическим языком и тем самым вписывающиеся в литературу, от подлинной, новой «сырьевой» поэзии?

Дальнейшие письма Мандельштам о книге Гинзбург показывают острый интерес к ней, но это в основном интерес полемический. Еще ожидая книгу, Надежда Яковлевна заведомо написала Максиму: «...я буду читать и злиться»⁴² [26, с. 299]. Похвалив что-то, она немедленно находит, с чем поспорить. В письме от конца января или начала февраля 1965 г.:

...Интересно – очень – о лирическом герое. Еще очень существенно, что проблематика человека – внутри его времени – зависит от того, что булькает у современников <...>

Вероятно, я буду оспаривать название «О лирике». Вы не касаетесь «тайн», а берете поток литературы в форме стихов. Но об этом в другой раз...

В феврале – марте 1965 г.:

...Мне очень понравился анализ пушкинских стихов – соотношение отработанного материала и новых «слов» (только это не просто слова). «Поэт действительности» мне понятно. <...> В разговоре о Пушкине чувствуется ваше отношение к нему. Почти трогательно (влюбленная девчонка) прозвучало признание, что к Пушкину мы относимся не так, как к другим.

Другая девчонка – тут же – разозлила меня. Это «умная» – из тех, кто объясняет, почему опера глупо: зачем петь то, что можно сказать. Я про фразу, что на стр. 225, о том, что в стихах есть же какая-то специфика (смысловая динамика)... Очень сомнительно, что проза учит поэтов писать то, что вы называете реалистическими стихами. Вообще, вы невольно признаетесь, что для вас проза – это дело нормальное: сядь и пиши, и никакой специфики особой нет... А стихи – штука особая. <...>

Все-таки есть основная проблема, которой вы никак не касаетесь. Вы видите литературный процесс: одни пишут стихи, другие пишут, школы сменяются, что-то отрабатывается... Есть «готовое». Самое же существенное, что поэт существует или не су-

ществует (Шевырев не существует). И существует он именно благодаря горсточке своего «сырья» <...> Можно показать поэта, выгатавив у него одну каплю «сырья» (можете назвать это «находкой», но это не совсем то). Но тогда надо подходить к поэзии не как к процессу, а как к выпадению из литературного процесса. И это и есть разговор о поэзии, которая не есть литература. С этим вы примириться не захотите. <...> Только этим способом можно подойти к тайне...

Надежда Яковлевна испытывает потребность в смещении пропорций исследования: дальше от «системы», ближе к личности его автора, к субъективности, спорности – к тому, что сделало бы книгу живее. Но для Лидии Яковлены это невозможно: отчасти – в силу требований цензуры, отчасти – в силу того, что она исследователь, наследница формальной школы, а не вдова поэта, у нее другая роль, другие задачи и другой темперамент.

Утверждение о том, что для Гинзбург «нормальное дело» – проза, что она не чувствует стиха, несправедливо. Чувствует, бьется именно над ним, и это можно понять из ее книги. На той самой 225 странице и ближайших к ней: «Каким образом житейское явление претворяется в эстетический факт, обыденное слово в слово художественное, многозначное и динамическое по качеству своих ассоциаций, – вот основная проблема реалистических стилей в поэзии; поскольку в реализме – в отличие от классицизма, от романтизма – механизм этих превращений заранее не предрешен. Поздняя лирика Пушкина – непревзойденной силы ответ на эти теоретические вопросы. Совершенный Пушкиным реалистический переворот был делом величайшей трудности. Речь ведь шла совсем не о том, чтобы просто решиться ввести “прозаические” слова в стихотворный текст. Само по себе это дело вовсе нетрудное и нехитрое; и этим широко, например, пользовался вульгарный романтизм 1830-х годов. Бенедиктов, практически отрицавший всяческие нормы и запреты (в том числе, столь важные для предыдущего поколения запреты хорошего вкуса), в большом количестве вводит в свои стихи бытовое словесное сырье, не подвергнутое предварительной эстетической обработке. Понятно, что механическое смешение стилей, нередко дающее произвольный комический эффект, ничего общего не имело с реалистическим методом в лирике. У Пушкина же речь шла об эстетическом чуде претворения обыденного слова в слово поэтическое. <...> В поздней лирике Пушкина традиционная символика нередко втягивает в свой круг обыденное слово, как бы заражая его поэтичностью окружающего контекста. Или, наоборот, среди „прозаического“ контекста, как напоминание, возникает традиционно поэти-

ческое слово. <...> Для того чтобы разговорное слово могло по праву занять место рядом с испытанными символами высокого и прекрасного, оно должно, в свою очередь, стать представителем заново утверждаемых жизненных ценностей» [8, с. 225–227]. Понятно, что для Мандельштам это холодные, слишком объективные слова. Понятно также, что никакие «механические щипчики» не схватывают раскаленной сути. Но это осознает и Гинзбург, потому и произносит, дойдя до пределов познаваемого: «У Пушкина же речь шла об эстетическом чуде претворения обыденного слова в слово поэтическое» [8, с. 226]. Не о том ли это, что ее собеседница называет тайной?

Судя по письмам, Надежда Яковлевна как будто не замечает, что на ее тезис о «сырье» в книге есть антитезис, показывающий: само по себе наличие «сырья» еще не делает стихи поэзией. Правда, значение этого слова у Гинзбург не полностью совпадает с мандельштамовским: для него «сырье» – не столько не вошедший в поэтический обиход живой разговорный язык, сколько примесь чего-то доязыкового – прямого выражения эмоций и инстинктов: подражание голосу животных, человеческому плачу и т. п.

В дневнике, для себя и будущего читателя, Гинзбург пишет о сути поэзии гораздо ярче, метафоричнее, аукаясь с Пушкиным и Мандельштамом: «...стихи – это опыт жизни в магическом кристалле обнаженного смысла. Он обнажается в силу двух противоположных свойств: стихотворные слова выделены и одновременно взаимозаражаемы, взаимозаряжаемы. В „Разговоре о Данте“ Мандельштам говорит, что поэтическое слово – „пучок“ смыслов, „и смысл торчит из него в разные стороны“. Настоящее стихотворение – до краев переполненное мгновение, блиц-открытие жизни <...> В поэтическом слове проявлены ценность и значение вещей» [7, с. 301].

Надежда Яковлевна – и в процитированном письме, и в письме от 25 ноября 1966 г. – пеняет на то, что Лидия Яковлевна описывает литературный процесс, историю смены литературных стилей. Заодно достается Тынянову, которому Гинзбург в этом следует:

...Я говорю о его идее о том, что писатель у него во власти найденного им стиля. Вероятно, открыв, что существуют «стили» (школы), он все под них подвел. Так бывает с первооткрывателями (с Фрейдом, например). <...> Мне кажется, что мироощущение поэта действительно связано с временем (из своего времени не уйти) – отсюда и «стили», но подлинная литература (поэзия) начинается там, где есть прорыв из общего потока идейно-формального. Выход из того, что О. М. называл культурой-

приличием, бегство из готовых форм речи и мысли в «сырье». Тогда начинается «без дураков». И слава Богу...

Едва ли Гинзбург не была с этим согласна. Но роль того, что Мандельштам назвала «историцизмом», очевидна из монографии. А вот как Гинзбург пишет об этом в записных книжках: «Ценность и значение – понятия общего, социального порядка; единичный поэт не может их добыть из себя. Стихи выражают поэта в его погруженности в культуру, в социум. Отношения между поэтом и его культурой складывались по-разному. Где найти меру неотменяемости общего и меру независимости личного?» [7, с. 301] Вопрос остается.

На ноябрьском письме 1966 г. разговор про книгу «О лирике» заканчивается. У Надежды Яковлевны были и остались претензии по существу. Тем не менее, она обрадовалась, когда в том же году статью к готовившемуся в «Библиотеке поэта» изданию стихов Мандельштама вместо А. В. Македонова редакция предложила писать Гинзбург. Надежда Яковлевна сообщает Н. Е. Штемпель: «Гинзбург пишет новое предисловие к изданию стихов – первый класс»⁴³ [16, с. 385], – и всячески помогает Лидии Яковлевне в работе (к сожалению, написанная статья не была принята к печати, а «Стихотворения» вышли только в 1973 г.).

Претензии, высказанные Мандельштам в письмах к Гинзбург, относятся к исследовательским возможностям в целом, к литературоведению как науке. Причина их замечательно сформулирована ею в письме 1964 г. к Максиму: «Магическая часть есть магия и тайна, до нее не доберешься. Сначала есть безумная надежда, что, перетрогав каждую деталь (рифму, ритмический ход, гласный, согласный, метафору) до чего-то доберешься, поймешь суть, а потом остается пустота» [26, с. 296]. Тайна, до которой не доберешься, – это одновременно и «беда», и «хорошо». Надежда Яковлевна упорно ищет и требует от других искать пути к ней для того, чтобы снова и снова с облегчением убеждаться: их нет; не только второго Пушкина или Мандельштама искусственно не создашь, но и «что такое стишки» до конца не поймешь. Не поймешь, а приблизиться к пониманию, считают обе «Яковлевны», можно – и необходимо.

Пытаясь подобрать к стихам одновременно разные ключи: филологические, психологические, философские, – Надежда Яковлевна, видимо, следует идее Мандельштама. Ему хотелось, чтобы всё было объединено в одной науке: «Дант может быть понят только при помощи теории квант»; «Словесное представление – сложный комплекс явлений, связь, „система“. <...> Чрезвычайно быстрое очеловечивание науки, включая

сюда и теорию познания, <...> позволяет мечтать о создании органической поэтики не законодательного, а биологического характера, уничтожающей канон во имя внутреннего движения организма, обладающей всеми чертами биологической науки» [19, с. 157, 66].

За отсутствием же единой науки, сохраняющей произведение живым «тринадцатитысячегранником», каким представлялась Мандельштаму «Божественная комедия» [19, с. 120], Надежда Яковлевна предлагает филологам эссе – как жанр, в котором возможен синтез и присутствие автора с его субъективной позицией. Она пишет Максимову: «Из тысяч „эссе“ остаются 2–3 мысли, и это хорошо», напоминает, что «„Разговор о Данте“ – тоже эссе <...> Жанр – законный» [26, с. 293]. Однако мандельштамовские эссе, такие же «тринадцатитысячегранные», как его поэзия, неповторимы, а та эссеистическая критика, которую Мандельштам назвал «лирикой о лирике», – «сплошная отсебятина», и ее, как он считал, не должно существовать. Считала ли так его вдова?⁴⁴

Свои произведения она писала в эссеистическом духе. На мой взгляд, в наибольшей степени «приблизиться» к стихам ей удалось в первых частях эссе «Моцарт и Сальери», начатого в конце 1967 – начале 1968 г. [29, с. 710], а напечатанного в 1972 г. [первая публ.: 4; публикация в изд.: 17].

Ее синтезирующий стиль включает филологический, философский, психологический и прочие подходы, но главное – личное, субъективное начало. Надежда Яковлевна сохранила в текстах «живой голос», «задор и полемическую ярость» – всё то, что, по ее словам, вытравила из своей прозы Ахматова [17, с. 784]. В предельном варианте эти свойства прозы Мандельштам культивированы, как известно, во «Второй книге».

Последнее дошедшее до нас письмо из переписки Мандельштам с Гинзбург содержит оценку Лидией Яковлевной незавершенной рукописи этой книги. Наверно, поэтому Надежда Яковлевна его и сохранила.

13 июля 1968 г., <Перedelкино>⁴⁵

Дорогая Надежда Яковлевна!

Простите, что долго не писала. Никак не могла войти в норму и собраться с мыслями.

Только сейчас наладила здесь жизнь и работу (обстоятельства у меня такие, что полностью отдыхать не имею возможности), а скоро (24-го) приходится уже уезжать, т. к. продлить здесь не удастся.

Нескладно!

По-настоящему, как бы следовало, не могу Вам написать. Для этого нужно бы мне еще раз прочитать книгу. Я ведь прочитала ее фактически за один день, в спешке.

Я уже сказала Вам, что мне очень понравился кусок о Марине. Ну, это деталь, а главное, что очень интересно и важно в целом. Документ сознания. Это само собой понятно.

Но меня всё время не оставляло некое желание. Желание побольше узнать о герое. О том, что он делал, что говорил, о каких-то подробностях обстановки. Это ведь всё будет потом невосстановимо.

Но в то же время я понимаю, как трудно к этому призывать и как сложно в этом плане вносить поправки! Ибо подлинно сказанное – это только зафиксированное? и исправленное сразу. Все разговоры, восстанавливаемые через десятилетия и даже через годы, – это фикция, самообман мемуариста, если не сознательное вранье. Но, может быть, всё же можно что-то сделать в этом направлении.

Здесь неплохо. Главное, как-то принято не мешать друг другу (в Комарове публика в этом отношении распустилась). Много зелени, можно ходить, если бы не чрезвычайная жара, сменяющаяся дождем. Раза два встречала на прогулке прелестного В. В. Ив<анова?>. Корней же Иваныч в 86 лет или 87 лет работает, гуляет и разговаривает с теми же штуками (очень обольстительными), какие я слышала от него, познакомившись с ним в году 1924-м.

Желаю Вам, Елене Мих<айловне>, Евгению Яковлевичу здоровья и отдыха.

ЛГ

Письмо уклончивое, оценка книги осторожная и лаконичная. Но очевидно, что для Гинзбург «Вторая книга» – не столько рассказ об эпохе и ее действующих лицах, как было задумано, сколько «документ сознания» самой Надежды Яковлевны. А ей хотелось бы соблюдения мемуарного жанра: «... побольше узнать о герое» – о Мандельштаме.

Гинзбург выделяет страницы о Цветаевой – может быть, потому, что о ней написано пусть и бесцеремонно, но в целом одобрительно, почти с симпатией. Кроме того, Цветаева Лидии Яковлевне не близка, читать о ней резкие слова не так досадно, как, например, об Ахматовой.

Не случайно переписка заканчивается (судя по сохранившимся письмам) после чтения Лидией Яковлевной этой рукописи. Е. Мурина, говоря о «серии <...> охлаждений и разрывов» после появления «Вто-

рой книги» в самиздате, свидетельствует: «...на мой вопрос о Л. Я. Гинзбург, которую я как-то у Н. Я. видела, она довольно безразлично ответила: „Мы больше не видимся“»⁴⁶[29, с. 361]. В заметке Гинзбург, предваряющей подготовленные ею к печати письма Мандельштам, сказано скупое, но вполне определенно: «В 1970-х годах наше общение постепенно прекратилось. Сыграло в этом свою роль то обстоятельство, что для меня оказались неприемлемыми оценки культурных фактов и людей во „Второй книге“ ее воспоминаний» [27, с. 125]. Подробнее и жестче – в записной книжке: «Саша⁴⁷ <...> говорит, что люди того времени (серебряный век) – прекрасные чудовища. <...> Н. Я. <Мандельштам> отождествила себя с Мандельштамом, с Ахматовой, – упустив совсем из виду, что она не великий поэт. Получилась чудовищность без прекрасного. Пока ее не захвалили, она еще опасалась, сдерживалась, но во второй книге перешла всякие границы дозволенного нормального человеку» (1981) [7, с. 421].

Интересно, что сама Гинзбург упомянута в мемуарах Мандельштам, скорее, одобрительно⁴⁸. В связи с этим Лидия Яковлевна заметила: «Я как-то сказала при Надежде Яковлевне Мандельштам, что, много занимаясь мемуарами, убедилась – чем талантливее мемуарист, тем больше он врет <...> Не потому ли, несмотря на испортившиеся отношения, Н. Я. в своей второй книге отозвалась обо мне, в виде исключения, благосклонно. Там даже есть фраза об одной “умной женщине”, которая зря хвалила статьи Вячеслава Иванова. Это я» (1987) [7, с. 422].

Примечания

1. Письма были подготовлены к печати еще ранее самой Л. Я. Вот что сообщают об этом первые публикаторы: «...Письма были подготовлены к печати незадолго до кончины Л. Я. Гинзбург для сборника, издание которого не осуществилось. Для публикации в “Звезде” тексты заново сверены с оригиналами...» [27, с. 125].

2. Письма Л. Я. Гинзбург хранятся в РГАЛИ в фонде О. Э. Мандельштама (ф. 1893, оп. 3, ед. хр. 184). В архиве Гинзбург в Отделе рукописей РНБ есть черновики ряда ее писем к Надежде Яковлевне – в основном во фрагментах, которые, по-видимому, Лидия Яковлевна считала наиболее существенными (ф. 1377, оп. 1, без ед. хр.; оп. 2, ед. хр. 76; оп. 3, ед. хр. 145). Черновики дополняют то немногое, что сохранила Надежда Яковлевна. Скучность сохраненного ею, по-видимому, связана с «кочевым» образом жизни, который она вынуждена была вести долгие годы, а также с обширностью ее переписки и большим количеством заочных собеседников. Возможно, со временем иссле-

дователями будут обнаружены и некоторые другие письма Гинзбург к Мандельштам.

Орфография и пунктуация писем Мандельштам и Гинзбург приближена к современным нормам.

3. Целиком переписка должны быть опубликована в сборнике «Голоса старых друзей. Анна Ахматова и Надежда Мандельштам. Воспоминания. Переписка. Материалы к биографии». Сборник готовит Мандельштамовское общество совместно с Фонтанным Домом, он предполагается к выпуску в издательстве «Вита Нова». Письма Мандельштам заново выверены по оригиналам, ныне хранящимся в РНБ в фонде Л. Я. Гинзбург (ф. 1377, оп. 3, ед. хр. 378; неопубликованная телеграмма – ф. 1377, оп. 2, ед. хр. 104), некоторые датировки уточнены, примечания значительно расширены.

Моя искренняя благодарность – Павлу Марковичу Нерлеру, оказавшему мне разнообразную помощь в ходе работы над материалом, Александру Семеновичу Кушнеру, литературному наследнику Гинзбург, давшему разрешение на публикацию писем, и Марине Юрьевне Любимовой, предоставившей мне возможность познакомиться с материалами фонда Гинзбург (еще не до конца описанными).

4. Докладная записка в ЦК КПСС от 23 декабря 1961 г. начальника главного управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР П. Романова [31].

5. Черновой автограф письма (ОР РНБ, ф. 1377, оп. 1).

6. В 1961 г. в Москве в издательстве «Художественная литература» под редакцией В. Н. Орлова вышел первый за долгие годы сборник стихов Цветаевой – «Избранное».

7. Слуцкий Борис Абрамович (1919–1986) – поэт, мемуарист. Участник Великой Отечественной войны. Значительная часть его стихов и мемуарной прозы была впервые опубликована в годы перестройки.

8. А. А. – Ахматова, с которой были дружны обе корреспондентки.

9. С начала октября 1961 г. по начало января 1962 г. Ахматова находилась в больнице со вторым инфарктом [40, с. 568–572].

10. Цветаева, будучи в глазах Гинзбург «большим поэтом» [7, с. 308, 514], по-видимому, не принадлежала к числу ее любимых авторов и находилась вне магистральной линии ее исследовательских интересов. Однако в статье Лидии Яковлевны «Письма Пастернака» есть краткое определение эпистолярного стиля Цветаевой, которое, судя по другим замечаниям о ней, исследовательница относила к ее творчеству в целом: «Стилистика Цветаевой – суммарный романтизм, переработанный опытом литературы XX века с ее языком, раскрепощенным от всяческих норм» [7, с. 515].

11. Панченко Николай Васильевич (1924–2005) – поэт, сотрудник Калужского книжного издательства, лауреат премии «За честь и достоинство в литературе», премии имени Андрея Сахарова «За гражданское мужество писателя» и др., друг Н. Я. Мандельштам.

12. Корнилов Владимир Николаевич (1928–2002) – поэт, прозаик, автор книги о русской лирике «Покуда над стихами плачут...» (М., 1997). В 1977 г. за публикацию своей прозы за рубежом и защиту академика А. Д. Сахарова был исключен из Союза писателей.

13. Корнилов Владимир Николаевич (1928–2002) – поэт, прозаик, автор книги о русской лирике «Покуда над стихами плачут...» (М., 1997). В 1977 г. за публикацию своей прозы за рубежом и защиту академика А. Д. Сахарова был исключен из Союза писателей.

14. Штейнберг Аркадий Акимович (1907–1984) – поэт, переводчик, художник. Воевал, дважды был репрессирован. Не имея права проживать в Москве и других крупных городах, в предвоенные годы поселился в Тарусе. В конце 1960-х гг. переселился в деревню в Калининской области.

15. ОПОЯЗ (Общество по изучению поэтического языка) – существовавшее в 1916 – середине 1920-х гг. научное объединение, созданное блестящими теоретиками и историками литературы, лингвистами, стиховедами, представителями так называемой «формальной школы». Руководителем объединения был В. Б. Шкловский, в него входили О. М. Брик, Е. Д. Поливанов, Р. О. Якобсон, Л. П. Якубинский, Б. В. Томашевский, Б. М. Эйхенбаум, Ю. Н. Тынянов и др. ОПОЯЗ стал основной организацией русского формализма – одного из наиболее значительных течений в литературоведении начала XX в. В 20-х гг. деятельность основных членов ОПОЯЗА и их учеников – младоформалистов Г. А. Гуковского, Л. Я. Гинзбург, Б. Я. Бухшатаба и др. продолжалась в Отделении словесных искусств Государственного института истории искусств. В разное время к ОПОЯЗу примыкали ученые, не полностью разделявшие его установки и полемизировавшие с ними: В. В. Виноградов, В. М. Жирмунский и др. ОПОЯЗ разрабатывал проблемы поэтического языка в противопоставлении «практическому», исследовал проблемы поэтического синтаксиса, семантики и фонетики; Тынянов создал концепцию литературной эволюции как смены «эпох-систем». Взгляды и интересы крупных ученых ОПОЯЗа не были однородны. С 20-х гг. «формалисты» подвергались критике, а позднее травле со стороны партийных идеологов и представителей официозного литературоведения [13, с. 347–348 и др. источники].

16. Дневниковая запись 1929 г. [7, с. 71].

17. Гинзбург многократно писала о Мандельштаме [см. ее дневниковые записи, наприм., в изд.: 7, с. 15–18 и др.]. Для «Стихотворений»

Мандельштама в Большой серии «Библиотеки поэта» Гинзбург написала статью «Поэтика Осипа Мандельштама», которая в 1968 г. была уже сверстана, но потом заменена на статью А. Л. Дымшица и в результате вышла в изд.: Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1972. Т. 31. Вып. 4. Мандельштаму посвящен и ряд др. текстов Гинзбург.

18. Датировка по штемпелю на конверте.

19. «...Взятая вне орудийной метаморфозы, лишена всякой значительности и поддается пересказу, что, на мой взгляд, вернейший признак отсутствия поэзии: ибо там, где обнаружена соизмеримость вещи с пересказом, там простыни не смяты, там поэзия, так сказать, не ночевала. Дант <...> стратег превращений и скрещиваний...» [19, с. 108].

20. Об этих качествах его личности и творчества см. в сопроводительных статьях изд.: [11].

21. Определение творчества ранней Ахматовой в посвященном ей стихотворении Пастернака: «Где крепили прозы пристальной крупички...». О влиянии на поэзию Ахматовой русской психологической прозы написано много. Принципиально важные особенности «прозаизации» ее стихов отмечены в работе: [12]. То же в сб.: [32, с. 288–291].

22. Про Соловьева и его влияние на Мандельштама Н. Я. писала также во «Второй книге» и др. текстах. О значимости философии Соловьева для Мандельштама см. также: [28, с. 18–20]; и др. исследования. Мандельштам назвал имя Соловьева в своем манифесте «Утро акмеизма» [19, с. 169].

23. Из письма Мандельштам Ахматовой (середина декабря 1961 г.): «Я читаю Соловьева. Неожиданно оказалось, что это самое главное (книга о добре и ряд статей). <...> У меня есть прямые доказательства, что Ося читал, знал и здорово помнил Соловьева» [16, с. 259–261].

24. Письма Н. Я. Мандельштам к Л. Я. Гинзбург, с. 135. Пражский лингвистический кружок был создан на базе Пражской лингвистической школы – одного из основных направлений структурной лингвистики. Кружок возник в 1926 г., организационно распался в начале 1950-х гг. В него входили В. Матезиус (организатор и глава кружка), Б. Трнка, Б. Гавранек и др. чехословацкие филологи, а также Н. С. Трубецкой, Р. О. Якобсон, С. О. Карцевский, творчески связаны с идеями Пражской лингвистической школы были П. Г. Богатырев, Г. О. Винокур, Е. Д. Поливанов, Б. В. Томашевский, Ю. Н. Тынянов [13, с. 390–391].

25. В 1916–1919 гг. ОПЯЗ издавал «Сборники по теории поэтического языка». Основные труды опоязовцев выходили в 20-е гг., переиздавались за рубежом в 50-60-е гг., а в СССР – в 70-80-е гг. О каком именно языковедческом сборнике пишет Надежда Яковлевна, неизвестно.

26. Возможно, Надежда Яковлевна имела в виду то, о чем писал Мандельштам: «Только внимательно изучив историю воззрений на природу, мы поймем закономерность в смене литературных стилей естествознания» [22, с. 212].

27. Гештальтпсихология – психологическое направление, существовавшее в Германии с начала 10-х до середины 30-х гг. XX в. Главные представители: М. Вертгеймер, В. Келер, К. Коффка. Гештальтпсихология занималась проблемой целостности, создала целостный подход к изучению психики и сознания. Сознание понималось как динамическое целое, «поле», каждая точка которого взаимодействует со всеми остальными. Единицей анализа этого поля выступает гештальт как целостная образная структура, не сводимая к сумме составляющих ее ощущений [3, с. 78–79]. Возможно, ключевое для гештальтпсихологии понятие целостности и привлекло внимание Мандельштам к этому направлению в психологии.

28. Первая публикация – в 1924 г. Цит. по: [19, с. 47].

29. Ранняя редакция статьи «Барсучья нора» [19, с. 264–265].

30. Письмо от 21 января 1937 г. В изд.: [23, с. 177].

31. Письмо от 22 ноября 1962 г.

32. Письмо от 27 ноября 1964 г.

33. Письмо написано не позднее 15 января 1965 г.

Речь идет о книге «Лекции по структуральной поэтике. Вып. I. (Введение, теория стиха)» [14]. Ю. М. Лотман прислал Надежде Яковлевне «Лекции» по ее просьбе. Судя по опубликованной переписке Мандельштам с Ю. М. Лотманом и З. Г. Минц, Надежда Яковлевна ограничилась благодарностью, а своего мнения о книге не высказала [29, с. 251–252]. Хотя развернутой полемики в немногочисленных письмах Мандельштам, адресованных Минц и Лотману (в основном Минц) нет, все же и в них высказана ее позиция: «Анализ, как литературоведческий метод, вещь весьма односторонняя»; «А что все-таки делать с поэзией? Ведь по существу она непознаваема. <...> Сравнительно легко говорить о поэте, но до чего трудно говорить о стихах...» (письмо начала 1964 г. [29, с. 244]; письмо начала 1965 г. [29, с. 251]).

34. О большом влиянии открытий Фрейда в это время см., например: [36]. Гинзбург хорошо знала работы Фрейда и размышляла о степени применимости его идей к российской действительности (см.: [7, с. 225, 553; 9]).

35. Искусство для искусства (*фр.*)

36. Об этом – и в записях П. М. Нерлера: «...Бегсон здесь ни при чем, ибо у Бергсона как раз время необратимо» [24, с. 749].

37. Шкловского.

38. Кто стоит за аббревиатурой, неизвестно. Может быть, Надежда Яковлевна?

39. Письмо, написанное не позднее 20 декабря 1964 г.

40. Письмо, написанное не позднее 15 января 1965 г.

41. Наброски к «Разговору о Данте» [19, с. 154, 153].

42. Письмо от 15 января 1965 г.

43. Письмо написано весной 1967 г.

44. Публикатор писем Мандельштам к Максиму Н. Т. Ашимбаева считает, что «наиболее близким методом познания сути художественного творчества для Н. Я. Мандельштам навсегда остался эссеизм критики начала XX в. Она высоко ценила труды В. В. Розанова и, конечно, прежде всего стиль художественной критики О. Мандельштама. Именно в его статьях она находила метод, позволяющий приблизиться к адекватному постижению духа, внутреннего смысла творчества» [26, с. 287].

45. На конверте: «Верея, Нарофоминский район Московской области. ПерваяСпартаковская, ул. 20. Надежде Яковлевне Мандельштам». В Верее Мандельштам снимала дачу вместе с братом Е. Я. Хазиным и его женой Е. М. Фрадковой.

Обратный адрес отсутствует. Ср. письмо Л. К. Чуковской К. И. Чуковскому от 17 июля 1968 г. в Переделкино: «Увидишь Лидию Яковлевну» – поклонись ей» [42, с. 503].

46. Безразличие Мурина объясняет так: «У меня создалось впечатление, что Н. Я. потеряла свидетелей тех давних лет без особого сожаления и чувства “вины”. Она очень устала от жизни, ей было скучно вступать в дискуссии, выяснять отношения, оспаривать свою правоту. <...> Ей явно больше нравилось общаться с людьми, не связанными со сложностями литературной жизни 1920–1930-х годов, – теми, кто читал ее книги, разделяя их обличительный пафос...» [29, с. 361].

47. Саша – поэт А. С. Кушнер.

48. «Одна умнейшая женщина, литературовед с традициями Опыаза, со вздохом сказала мне, что уровень мысли резко пал после статей Вячеслава Иванова. (Любопытно, догадалась ли она перечитать эти статьи, или ее суждение зиждется на прежнем пиетете?)» [18, с. 408].

Список использованных источников

1. Бек Т. «Который шел не в ногу». Беседа с Владимиром Корниловым // Корнилов В. Н. Собрание сочинений: В 2 т. – М., 2004. Т. 2.

2. Бергсон А. Творческая эволюция [Электронный ресурс] / пер. В. А. Флеровой. – М.: КАНОН-пресс; Кучково поле, 1998. – Гл. первая. – Режим доступа: <http://davaiknam.ru/text/a-bergson-tvorcheskaya-evolyuciya-perevod-flerovojanri-bergson>

3. Большой психологический словарь / [Н. Н. Авдеева и др.]; под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – 3-е изд., доп. и перераб. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2006. – 666 с.
4. Вестник русского (студенческого) христианского движения. Париж – Нью-Йорк – Москва. – 1972. – № 103.
5. Воспоминания об Анне Ахматовой: сборник. – М.: Советский писатель, 1991. – 720 с.
6. Герштейн Э. Г. Мемуары. – СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. – 528 с.
7. Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе / [вступ. ст. А. С. Кушнера]. – СПб.: Искусство-СПБ, 2002. – 766, [1] с.
8. Гинзбург Л. Я. О лирике / Л. Я. Гинзбург. – М.; Л.: Советский писатель, [Ленингр. отделение], 1964. – 382 с.
9. Зорин А. Проза Л. Я. Гинзбург и гуманитарная мысль XX века / Новое литературное обозрение. – 2005. – № 6. – С. 45–68.
10. Корнилов В. Н. Покуда над стихами плачут...: Кн. о русской лирике: Для учащихся ст. кл. общеобразоват. учреждений. – М.: Академия, 1997. – 351 с.
11. Корнилов В. Н. Собрание сочинений: в 2 т. – М.: [б. и.], 2004. – Т. 2: Проза. – 2004. – 429, [2] с.
12. Левин Ю. И. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма / Ю. И. Левин, Д. М. Сегал, Р. Д. Тименчик, В. Н. Топоров., Т. В. Цивьян // Russian Literature. – 1974. – № 7–8. – С. 47–82.
13. Лингвистический энциклопедический словарь / ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская Энциклопедия, 1990. – 685 с.
14. Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике. Вып. I. (Введение, теория стиха) // Труды по знаковым системам. Вып. 1. – Тарту: Изд-во Тартуского университета, 1964. – 195 с. – (Учёные записки Тартуского государственного университета, вып. 26).
15. Максимов Д. Е. Поэзия Лермонтова / Акад. наук СССР. – М.; Л.: Наука, 1964. – 264, [2] с.
16. Мандельштам Н. Я. Об Ахматовой / сост. и вступ. ст. П. Нерлера. – М.: Новое издательство, 2007. – 444 с. – (Серия «Записки Мандельштамовского общества». Том 13).
17. Мандельштам Н. Я. Собрание сочинений: в 2 т. – Екатеринбург: Гонзо (при участии Мандельштамовского общества), 2014. – Т. 1: Воспоминания и другие произведения (1958–1967). – 864 с.
18. Мандельштам Н. Я. Собрание сочинений: в 2 т. – Екатеринбург: Гонзо (при участии Мандельштамовского общества), 2014. – Т. 2: «Вторая книга» и другие произведения (1967–1979). – 1008 с.
19. Мандельштам О. Э. Слово и культура: [сборник] / [сост. и примеч. П. Нерлера; вступ. ст. М. Я. Полякова]. – М.: Сов. писатель, 1987. – 319, [1] с.

20. Мандельштам О. Э. Собрание сочинений в 4-х томах. Стихотворения. Проза / сост. и коммент. П. Нерлера и А. Никитаева. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993–1999. – Т. 1. Стихи и проза 1906–1921. – 1999. – 368 с.

21. Мандельштам О. Э. Собрание сочинений в 4-х томах. Стихотворения. Проза / сост. и коммент. П. Нерлера и А. Никитаева. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993–1999. – Т. 2. Стихи и проза 1921–1929. – 1993. – 704 с.

22. Мандельштам О. Э. Собрание сочинений в 4-х томах. Стихотворения. Проза / сост. и коммент. П. Нерлера и А. Никитаева. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993–1999. – Т. 3. Стихи и проза 1930–1937. – 1994. – 528 с.

23. Мандельштам О. Э. Собрание сочинений в 4-х томах. Стихотворения. Проза / сост. и коммент. П. Нерлера, А. Никитаева, Ю. Фрейдина, С. Василенко. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993–1999. – Т. 4. Письма. – 1999. – 608 с.

24. Нерлер П. *Con amore*. Этюды о Мандельштаме. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 856 с.

25. «Никто не плачет над тем, что его не касается»: «Четвертый разговор о любви» Лидии Гинзбург [Электронный ресурс] / Подгот. текста, публ. и вступ. статья Эмили Ван Баскирк // Новое литературное обозрение. – 2007. – № 88. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/88/gi7.html>

26. Письма Н. Я. Мандельштам к Д. Е. Максиму / публ., вступ. ст. и коммент. Н. Т. Ашимбаевой // Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег, учеников: к 100-летию со дня рождения / [отв. ред. Л. А. Иезуитова, И. С. Приходько; подгот. текста М. А. Орловой]. – М.: Наука, 2007. – С. 285–340.

27. Письма Н. Я. Мандельштам к Л. Я. Гинзбург / подгот. текста Н. К. Цендровской при участии А. Г. Меца, коммент. Л. Я. Гинзбург // Звезда. – 1998. – № 10. – С. 125–149.

28. Поляков М. Я. Критическая проза О. Мандельштама // Мандельштам О. Э. Слово и культура: [сборник]. – М.: Сов. писатель, 1987. – С. 3–36

29. «Посмотрим, кто кого переупрямит...»: Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах / сост. и авт. идеи П. Нерлер; под общ. ред. Е. Шубиной. – М.: АСТ, 2015. – 736 с.

30. Пражский лингвистический кружок: Сборник статей. – М.: Прогресс, 1967. – 558 с.

31. Романтики. Приложения. Докладная записка в ЦК КПСС [Электронный ресурс]. // Константин Паустовский: сайт. – Режим доступа: <http://paustovskiy.niv.ru/paustovskiy/text/romantiki/romantiki-pril-4.htm>

32. Смерть и бессмертие поэта. Материалы международной научной конференции, посвященной 60-летию со дня гибели О.Э. Мандельштама (Москва, 28–29 декабря 1998 г.) / Сост. Воробьева М.З., Делекторская И.Б., Нерлер П.М. и др.; РГГУ, Мандельштамовское общество. – М.: РГГУ, 2001. – 316 с.

33. Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика – М.: Искусство, 1991. – 701 с.

34. Тарусские страницы: Литературно-художественный иллюстрированный сборник / Ред.: В. Кобликов, Н. Отген, Н. Панченко, К. Паустовский, Арк. Штейнберг; художник М. В. Борисова-Мусатова. – Калуга: Калужское книжное издательство, 1961. – 322 с.

35. Тоддес Е. А. Мандельштам и опоязовская филология // Тыняновский сборник. Выпуск 2. Вторые Тыняновские чтения. – Рига: Зинатне, 1986. – С. 78–102.

36. Тутаева М. Н. Рецепция идей З. Фрейда в российском культурном сознании 1920-х годов: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – Саранск, 2001. – 21 с.

37. Тынянов Ю. Проблемы стихотворного языка. – М.: Советский писатель, 1965. – 303 с.

38. Фрейд З. Тотем и табу: Психология первобытной культуры и религии / пер. с нем. М. В. Вульфа. – М.; Пг.: ГИЗ, 1923. – 173 с.

39. Фрейд З. Художник и фантазирование: научно-популярная литература / под ред.: Р. Ф. Додельцева, К. М. Долгова; пер. с нем.: Р. Ф. Додельцева, А. М. Кесселя, К. М. Долгова. – М.: Республика, 1995. – 400 с.

40. Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889-1966 – Издание 2-е, исправленное и дополненное – М.: Индрик, 2007. – 767 с.

41. Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. В 3 т. / [3 изд., испр. и доп.]. – Москва: Согласие, 1997 – Т. 2: 1952–1962. – 829 с.

42. Чуковский К. И., Чуковская Л. К. Переписка, 1912 – 1969. – М.: Новое лит. обозрение, 2003. – 586 с.

«...ABOUT POETRY, WHICH IS NOT LITERATURE»
FROM THE CORRESPONDENCE
OF NADEZHDA MANDELSHTAM WITH LIDIA GINZBURG

Rubinchik Olga Efimovna,

*Candidate of Philology, Associate Professor, St. Petersburg State University of
Technology and Design
(Russia, Saint-Petersburg);
E-mail: rubinchik_olga@mail.ru*

The focus of this article is the correspondence between Nadezhda Mandelshtam and Lydia Ginzburg from 1959 to 1968. N. Y. Mandelshtam is the widow of the poet O. E. Mandelshtam, a biographer and essayist. L. Y. Ginzburg is a literary scholar, novelist, essayist and biographer. This is the first time Ginzburg's letters have been studied scholastically. This article is devoted to one of the multiple layers of meaning of their correspondence – a dispute about the nature of poetry and on to approach to its study by these two great women, who possessed a powerful male intellect, literary gift and extraordinary experience.

Keywords: *Nadezhda Mandelshtam; Lidia Ginzburg; the correspondence; Osip Mandelshtam; almanac «Tarousski Pages».*